

Извольская Е.А. Новая философия труда.

Уже не раз на страницах «Нового Града» говорилось о социальных исканиях духовно настроенной французской интеллигенции. За истекшие годы, эти искания большей частью сводились к общей постановке вопроса о взаимоотношении христианского мировоззрения и современного социально-экономического мира.

Но встав на определенные позиции духовной революции (разрыв с неправдой капиталистического мира и восстановление «персонализма»), необходимо было сделать еще один шаг: доказать

на деле, что обновленное, социальное христианство не развивается в «пустом пространстве», а способно к творческому и плодотворному истолкованию современности.

За последний год в этом направлении был сделан ряд интересных попыток. Нам бы особенно хотелось отметить две недавно вышедшие книги, принадлежащие перу выдающихся французских католических мыслителей: «По ту сторону машинизма», Марселя Малькора, и «Труд и Человек», Этьенна Борна и Франсуа Анри.¹⁾

Книга Малькора охватывает всю сложную экономическую проблему производства и распределения, которому автор уделяет очень большое место. Труд этот, написанный для специалистов и техников, подлежит научному разбору. Мы выделяем из него лишь те главы, которых специально посвящены проблеме труда.

Не раз приходится слышать, что современная техника создала «стальной Вавилон», в котором нет места для духовного мирозерцания.

Одни этому радуются, видя в индустриализации победу человеческого разума и приближение «счастливой жизни», автоматически и без малейшего перебора вырабатываемой для всех и вся. Другие наоборот сокрушаются, считая технику исчадием ада, злейшим врагом, некоей смертоносной силой, раздробляющей целостную личность.

Этот враг, созданный капитализмом, прояви себя в еще более жутком облике в стране «колхозов и гигантов». Тейлоризм, фордизм, система Бело, вызывавшие столь глубокое возмущение в социалистических кругах, выродились под игом Сталина в ударничество и стахановщину.

Положение современного производственного мира настолько трагично, что пессимисты готовы считать, что никакая социальные реформы, никакой «трудовой гуманизм» не спасет человека от всепожирающей машины. Индустриальные темны наших дней приводят к непрерывному и неизбежному увеличению безработицы, и обрекают пролетариат на полуголодное существование.

Более того, некоторые буржуазные идеологи считают, что кризис производства ведет к поощрению лени, безделья, «праздношатания»... Ибо трудящийся, даже если он не превратился в безработного, присутствует при постоянном сокращении рабочего дня. В скором времени, при беспрестанном развитии и усовершенствовании техники, человек будет работать лишь незначительное количество часов в день. Тогда встанет во весь свой рост новая проблема — проблема досуга. Ибо, так по крайней мере думают некоторые, совершенно невозможно предвидеть чем раскрепощенное от труда че-

¹⁾ Marcel Malcor: «Au delà du Machinisme», Etienne Borne et François Henri: «Le Travail et l'Homme». Ed. DeclédeBrouwer, 1937.

ловечество заполнит свободные часы, а, может быть, целые дни и недели.

* * *

Нужно признать, что ни капитализм, ни социальные демократии Америки, Франции и Бельгии, ни массовая организация труда и досуга в тоталитарных странах до сих пор не разрешили этой задачи и, если и предложили кое-какие конкретные и эмпирические меры, то не сумели создать подлинной трудовой идеологии, живой и творческой философии труда.

В разбираемых двух книгах мы находим, если не вполне исчерпывающий ответ на эти животрепещущие вопросы современности, то во всяком случае весьма интересное задание, общую схему, на которой должен будет строиться новый трудовой гуманизм.

То, что представляется нам наиболее ценным в этой попытке, это положительный, оптимистический подход к современной технике и твердая вера в возможность ее преодоления. Преодоление это должно совершиться, по мнению авторов, не в порядке устранения технических процессов и возврата к ручному станку и домотканым материям (как учит Ганди), а через преобразование, включение машины в вечный, духовный план человеческого бытия и подлинных религиозных ценностей.

* * *

Марсель Малькор, автор книги «По ту сторону машинизма» — деятельный кооператор, техник и организатор обширных сельскохозяйственных общественных предприятий в Тунисе. Интересно отметить, что Малькор впервые столкнулся с проблемой труда во время войны на авиационном заводе, организация которого ему была поручена. Не имея в то время особого предубеждения относительно «рационализации», и преследуя определенную цель поднять производства в спешном порядке и в интересах национальной защиты, молодой техник, не задумываясь, ввел в свои мастерские «американскую систему труда», т. е. тейлоризацию, или, вернее, фордизацию.

Этот опыт, давший блестящие результаты в смысле поднятия производственных сил, послужил однако для Малькора доказательством несправедности и порочности всей современной трудовой системы. Он рассказывает в своей книге о том, как на его глазах искусные, испытанные в своем ремесле французские механики, глубоко связанные традицией с «артизанами» и мастерами средневековья, перешли от личного к безличному производству... Вместо того, чтобы создавать целостный, «почти живой организм», они сделались мелкими специалистами, обреченными изготавливать отдельные колеса

и винтики, ничтожные, выработанные по шаблону составные части. Автор в начале не понимал сопротивления, недовольства, крайней нервности рабочих, потерявших радость жизни и любовь к своему делу. Лишь позднее он пришел к заключению, что, отняв у них целостность труда, он тем самым, лишил их человеческого образа.

На основе этого личного, глубоко продуманного опыта, Малькор и предпринял критику автоматизма, указывая на трагическую судьбу человеческих роботов, управляемых машиной. Если в послевоенные годы европейского и особенно американского «процветания», рационализация труда еще кое-как оправдывалась сравнительным благосостоянием рабочих, то в нынешних условиях системы Форда и Бедо приводят и впрямь к катастрофическому росту безработицы.

Автор видит нечто подлинно чудовищное и бессмысленное в постоянном лихорадочном развитии производственной техники. По исчислению американских экономистов, широкое применение ныне существующих наилучших индустриальных методов увеличило бы производство в сорок раз, причем для работы, исполняемой 25-ю миллионами рабочих, потребовалось бы лишь 625.000.

* * *

Рационализация техники не только выбрасывает толпы рабочих на улицу, лишает их куска хлеба и превращает стабилизированный в XIX-ом веке пролетариат в текучую, деклассированную массу. Она, как мы видели, обезличивает, обезчеловечивает тех «счастливых», которые сохранили свое право на труд. На больших заводах осталось лишь незначительное количество изобретателей и чертежников, имеющих возможность проявлять личное творчество. Понятие мастерства, или, выражаясь на современном языке, квалификации, все более и более стирается. Конвейер погасил любовь трудящегося к своему труду, ибо то, что он производит, лишено всякой ценности, превращается в дешевый и безличный «ширпотреб».

Наконец, обезличен и сам потребитель; нет больше любителей, умеющих ценить мастерство; остается лишь массовый, анонимный покупатель, поглощающий анонимный, вульгаризированный товар.

Но как выйти из этого и впрямь чудовищного производственного тупика? Марсель Малькор иронически пишет о тех, именующих себя «прогрессивными», социальных кругах, которые принимают машинизм, как «неизбежное зло», и считают возможным с ним примириться. Имеются даже христиане, которые готовы видеть в индустриализации «Божью волю», перед которой остается только смириться, и, как красочно выражается автор, «окрестить машину». Малькор подчеркивает основную мысль, что современная индустриализация — это проекция первородного греха в социально-экономическом плане, и что его преодоление так же необходимо в этой

сфере, как и в сфере личного спасения. Но для этого необходимо проанализировать самую сущность машинизма, родившегося, как он пишет, от буржуазного духа — т. е. от духа эгоизма, алчности и завоевания.

Скупость предпринимателя, погоня великих «капитанов индустрии» XIX-го века за исключительно материальными, земными благами, презрение обуржуазившейся интеллигенции к трудящимся и труду, замена ценностей биржевыми ценами — таковы проекции первородного греха в индустриальном мире. Современные организаторы производства забыли, «что человек не создан для того, чтобы жить стадообразно. Огромные производственные и городские центры, созданные машинизмом, являются физически, умственно и морально пагубными: семья не выдерживает этой обстановки, непрочность жилища и труда лишает самое понятие семейного очага всякого смысла. Людей больше не связывает ни единство рождения, ни единство стабилизированной совместной жизни, ни единство ремесла. Где сближение?» и что случилось с личностью?».

* * *

Малькор слишком хорошо знает условия современной индустриальной эры, чтобы полагать, что этот бурный поток можно остановить и повернуть вспять. Но, изучив источники этого потока и процесс его стихийного развития, он пришел к убеждению, что катастрофический период машинизма и з ж и в а е т с я на наших глазах. Сама жизнь толкает технику на новые пути; новейшие открытия науки, изобретения, сделанные в области энергии, и особенно электричества, все то новое, что мы узнаем сейчас о структуре материи и о ее приложении, разрушают основы «стального Вавилона», вчера еще казавшиеся незыблемыми...

XIX-ый век, открывший машинизму грандиозные перспективы, был веком анализа, рассудочности, он «всем сердцем поверил в реальность материи, одной материи, и тем самым превратил ее в нечто необходимое и господствующее». Символ этой первоначальной индустриальной эры, — каменный уголь. Человек не только реально, но и аллегорически «спустился в недра земли» (*in inferos*). Это «эпоха сгущенной материи», эпоха парового котла, железных дорог, банков, заводов, классово-борьбы... Религия этой эпохи выражена Огюстом Конттом, ее архитектура — Эйфелем. Первые два десятилетия XX-го века еще примыкают к «первоначальной эре». Но они уже озарены трагическим светом. В них ощущается крайнее напряжение; человек впервые понимает, что вместо того, чтобы «покорить материю», как горделиво выражались его отцы, он сделался ее пленником, и что «грандиозное здание капитализма» начинает шататься.

Но самые последние усовершенствования науки и техники как будто и созданы именно для того, чтобы раскрепостить человека, спасти его от индустриального «рока». Концентрация XIX-го века, зародившаяся вокруг паровой машины, начинает распыляться благодаря новым, все более широким применениям электричества. Индивидуальный мотор, энергия, производимая средними и малыми мастерскими, все более и более заменяют гигантские производственные муравейники. Во Франции, например, появляется новый тип маленького предпринимателя, так сказать «фабричного кустаря», индивидуального мастера, работающего с небольшим количеством рабочих и являющегося прямым потомком артизана.¹⁾ Новой «деконцентрации» не предвидел Маркс, когда предсказывал всецелое поглощение маленьких предприятий мощными индустриальными организациями. Это возрождение, так сказать, во второй степени, индивидуального ремесленника, «старателя», происходит сейчас и в СССР.

Наша эра — эра менее сгущенной, менее давящей и непроницаемой материи. Малькор отмечает, что, тогда как в XIX-ом веке, производство было скорее занято «оформлением» материи, т. е. внешними, не органическими, а чисто механическими процессами, — ныне, наоборот, техника в первую очередь интересуется самой сущностью вещества, — химические и физические превращения материи, структура атомов и ее изменения, сложные процессы плавки иковки играют первую роль, как в производственных цехах, так и в лабораториях.

Развитие радио также ведет к деконцентрации. Вместо громоздкого кабеля и сложного бюрократического аппарата телеграфа и телефона, человечество пользуется новыми «воздушными», неосязаемыми и незримыми путями эфира; причем, как известно, техника все более упрощает методы, вырабатывает новые аппараты и придает им все более передвигную, удобную, индивидуальную форму. Вместо концентрации — распространение (diffusion), вместо коллективно-административного аппарата, личное, «кустарное» дело.

Наконец, железные дороги, с их массивной монопольной системой, все чаще заменяются автомобилем и автокаром, которые как бы воскрешают в новой современной, еле узнаваемой форме, эпоху дилижансов. Этот способ сообщения гораздо более эластичен, чем рельсовые пути, он превращает путешествие в нечто менее шаблонное, механическое. С развитием же авиации, это раскрепощение от чугунного засилья делается все ощутимее. Пилот борется со свободной стихией, «погружен в живые силы природы, как рыбак тысячу лет тому назад».

¹⁾ Автор, между прочим, отмечает, что ремесленники и механики возвращаются в провинцию, в маленькие города, когда-то опустошенные концентрацией.

* * *

Этой, «поднявшейся из недр земли», новой, раскрепощенной технике, должна соответствовать и новая духовность, — возвращение к целостности. XIX-ый век был веком расщепленности, многогранности и многообразия; «отдельные интересы данного момента принимались за так называемый общий интерес». Человечество должно вернуться к единым истокам духа, примирить существующие противоречивые интересы, не в горизонтальном, а о вертикальном плане. Понятие о братстве всего человечества не должно быть отвлеченным принципом, а проистекать из реального чувства родства, из осознания трансцендентного факта, что все мы приходим от одного Отца. Целостность возможна лишь в связи с общим высшим Началом. Именно потому, что в горизонтальном плане человек не может приобрести блаженства и создать рай на земле, «стальной Вавилон» все более превращается в кровавый призрак.

В нашем современном мире, как и две тысячи лет тому назад, осуществляется евангельская истина: «Ищите сначала Царствия Божьего, и остальное придастся вам».

* * *

Пути технического раскрепощения, связанного с религиозным преобразованием труда, рассматриваются также в книге Борна и Анри «Труд и Человек».

«Проблема труда, пишут авторы этой интересной книги, не есть только проблема техники, производства и распределения. История советской России доказывает, что недостаточно технической революции; для того, чтобы по настоящему улучшить условия человечества, необходима духовная революция... Мы христиане не достаточно внимательно отнеслись к идее труда в современной цивилизации».

Берн и Анри подчеркивают, что заслуга социалистических учений — в восстановлении подлинных ценностей труда. Существование этих подлинных ценностей смутно ощущает и народ; если он так глубоко возненавидел современные условия производства, то именно потому, что они лишают труд всякого достоинства и всякой положительной цели. Массы трудящихся осознали свою солидарность, свое духовное родство. Они хотят работать не только для себя, но для всего мира. Им чуждо аскетическое восприятие труда, весьма распространенное в некоторых христианских кругах, по которому обязанность работать есть лишь наказание, связанное с идеей страдания и первородного греха. Христиане слишком часто забывают, что Адам трудился и в земном раю, трудился плодотворно и радостно, и что после падения кара, его постигшая, вовсе не заключалась в том, чтобы работать, а в том, что он «в поте лица» должен был добывать хлеб свой.

Во всяком труде есть доля страдания, но и доля великой радости; он залог «общего дела» и «источник дружбы». Самое трагическое в судьбе безработных — это их отрыв от творческой общественности, которая питает и духовно обогащает человека.

Современные народные массы, несомненно, являются носителями новой трудовой морали, нового трудового гуманизма. И тем самым, несмотря на соблазн коммунистического безбожного учения, они как бы бессознательно способствуют одухотворению производственных процессов, к которому должен стремиться всякий христианин.

Авторы напоминают вкратце историю идеологии труда. В древнем мире философы различали две категории человечества: *homo sapiens* и *homo faber*, причем *homo sapiens* стоял на высшей, а *homo faber* на низшей ступени. Ни Платон, ни Аристотель не считали рабства несправедливым по той простой причине, что рабы принадлежали к особой, раз навсегда определенной категории, ни на что иное, как на труд, не способной; тогда как мудрецы, которых эти рабы обслуживали, были призваны в мир исключительно для того, чтобы «мудрствовать». Античная культура знала тайны созерцательной жизни, и как бы предвосхищала христианскую духовность. Но великая победа христианства, силы, которая взорвала изнутри рабство, именно и заключалась в том, что она уничтожила это деление на категории, признав необходимость труда для всех («Кто не работает, тот не ест») и необходимость для всех религиозной, духовной жизни (все призваны войти в царствие Божие).

Современное язычество, т. е. капитализм, восстановило это деление на категории, вернуло трудящегося человека в рабское состояние, лишило его человеческого достоинства. Научный марксизм правильно раскрыл этот основной недостаток, и в этом его неоспоримая заслуга. Но воинствующий коммунизм не разрешил проблемы производства и не сумел выработать новой философии труда. Ибо он орудует лишь в одном материальном плане, лишен целостного мировоззрения и, хотя и пытался вернуть трудящимся человеческое достоинство, но превратил труд в некую «самоцель», чем он ни в коем случае не может быть. Труд во имя труда, производство во имя производства так же бесплодны, как отвлеченное «мудрствование»; подлинное человеческое призвание не ограничивается ударничеством. Стахановщина, которая является последним развитием советской трудовой морали, не что иное, как «спортивная ересь первобытной революционной религии».

Авторы посвящают целую главу стахановскому движению. Нужно признать, что, несмотря на критический подход к этой «спортивной ереси», они дают, в наших глазах, слишком положительную оценку стахановских методов, видя в них проекцию некой идеологии труда, создание какого-то «трудового ордена». Русским людям,

хорошо знакомым с историей зарождения и развития стахановщины, такая оценка покажется чересчур академической, несоответствующей советской трагической действительности. Трудно видеть в «орденоносцах» представителей идеального ордена, и в «счастливой жизни» конечную цель русских социальных исканий. Правда, изучив практическое приложение стахановских методов, авторы приходят к заключению, что они сводятся к возрождению самых тяжелых форм капиталистического эксплуататорства. Нужно полагать, что, если Борн и Анри ближе познакомились бы с психологией стахановщины и увидели бы всю ненависть, которую она возбудила в народных массах, они бы не удовольствовались этим академическим разбором и прямо бы причислили культ ударничества к «трудовой идолатрии», которую они сурово обличают.

«Марксизм, пишут они, не может раскрепостить труд от несправды капитализма, потому что он сам является прямым потомком капитализма. Его понятие о человеке остается в высшей степени буржуазным: он видит в этом человеке лишь комплекс потребностей, интересов и производственных сил... Даже если коммунизму удалось бы раскрепостить труд, он не был бы и силах раскрепостить трудящегося, лишенного внутренней жизни, лишенного права на духовную тревогу и свободные искания»... «Мы находимся в критическом периоде истории труда: необходимо спасти трудовую революцию и в то же время оградить ее, спасти ее от самой себя».

В заключение авторы высказывают мысль, что проблема досуга, так же, как и проблема труда, может быть разрешена только в духовном плане. Человек, освобожденный от всепоглощающей производственной жизни, не сможет найти покоя в «счастливой жизни», в удовлетворении материальных нужд и потребностей. Перед ним должны раскрыться пути духовной жизни, созерцания; но созерцания не отвлеченного, как его понимал античный мир, а творческого, практического, которому учит христианство. Человек, получивший право на отдых, вновь начнет «прислушиваться к Богу, ощущать Его живое присутствие». Досуги, насыщенные духовным содержанием, не только являются подлинным отдыхом, но готовят человека к радостному, гармоническому, плодотворному труду. Последний выражается не в лихорадочном темпе усиленной производительности, а в любви, в создании подлинных, непреходящих ценностей и в служении общему делу.

* * *

Мы уже указали в начале нашего разбора, что обе книги не дают исчерпывающего ответа на все вопросы, встающие в связи с «производственным тупиком». Многие в этих книгах может показаться слишком отвлеченным, академическим; выводы слишком схематичны и порой односторонни. Анализ стахановского движения доказыва-

ет, как опасно порою пытаться втискивать жизнь в рамки определенной системы. Правда, у Марселя Малькора чувствуется более реальное, конкретное восприятие жизни, чем у Борна и Анри, не прошедших, как Малькор, практической индустриальной школы в мастерских и на предприятиях. Но, быть может, необходимо было бы услышать подлинный голос трудящегося, им лично выраженный и на его языке изложенный опыт, охватывающий всю органическую сложность производственного мира.

Тем не менее, труды Малькора, Борна и Анри, представляют большой вклад в христианское социальное учение. Их главная заслуга именно и заключается в том, что они ставят проблему труда и подчеркивают необходимость создания новой трудовой философии.

Более того, идеология разбираемых нами авторов не есть нечто случайно или искусственно создавшееся. Она отвечает определенным, почвенным устремлениям французского и бельгийского христианско-трудового движения. Эти устремления были выражены с исключительной силой на последнем конгрессе ЮОС'а (Христианская трудовая молодежь), на котором тысячи молодых рабочих проявили свою солидарность, как в социальном, так и в духовном плане. На этом знаменательном съезде, как помнится, обедня служилась на алтаре, сооруженном из каменного угля и железной руды, освещенном фонарями рудокопов. Человек, «поднявшийся из недр земли на свет Божий», как бы праздновал свое освобождение от «давящей материи».

Книги Малькора, Борна и Анри лишней раз наводят читателя на мысль, что тяжелые грозовые тучи, нависшие над современным миром, могут быть разряжены лишь духовными силами. В то время как казавшийся несокрушимым «стальной Вавилон» все более теряет свою реальность и превращается из сгущенной материи в картонный город, евангельское учение, наоборот, свидетельствует о своей силе и динамике. Ибо оно одно предлагает не горизонтальное, а вертикальное, трансцендентное разрешение трудовой проблемы, несущее с собой подлинное раскрепощение целостного человека.

Елена Извольская.